

Язык как динамическая система: наследие Вильгельма фон Гумбольдта и современное языкознание*

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kusliy@iph.ras.ru

В. фон Гумбольдт рассматривается как ученый, заложивший теоретические основы того воззрения на язык, которое сегодня развивается в генеративной лингвистике Н. Хомского. Исследуются конкретные параллели между утверждениями Гумбольдта и Хомского. Вместе с тем показано, в какой мере Гумбольдт является и родоначальником совершенно иного воззрения на язык, связанного в XX в. с дискуссиями вокруг гипотезы Сепира – Уорфа. Несовместимость двух теоретических установок на язык, которые при этом восходят к работам Гумбольдта, заставляют авторов провести различие между динамическим и статическим подходами к языку. Авторы приводят доводы в поддержку первого подхода, отмечая при этом масштаб теоретической мысли Гумбольдта, столь разносторонним образом тематизировавшего проблему природы и функции естественного языка.

Ключевые слова: Гумбольдт, Хомский, гипотеза Сепира – Уорфа, лингвистика, форма, грамматика, синтаксис, семантика

LANGUAGE AS A DYNAMIC SYSTEM: THE LEGACY OF W. VON HUMBOLDT AND CONTEMPORARY LINGUISTICS

Ekaterina V. Vosrikova – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240,

In this article, we examine the key ideas of Wilhelm von Humboldt about language and their relevance to the contemporary research in the field of linguistics. In his works, N. Chomsky describes Humboldt as a key predecessor of the generative approach. The authors discuss the concrete aspects of Humboldt's influence on generative linguistics drawing special attention to

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–011–00980а «Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического познания» и № 17–29–091780фи_м «Анализ языка и междисциплинарность».

Russian Federation;
e-mail: katerina-vos@mail.ru

Petr S. Kusliy –
PhD in Philosophy,
senior research fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240,
Russian Federation;
e-mail: kusliy@iph.ras.ru

his notion of Form. The authors also observe that Humboldt's works also contain statements about the deep differences that exist between different languages, as well as statements that different languages can form different pictures of the world. These ideas resonate with philosophical ideas about linguistic relativity (the famous Sapir – Whorf hypothesis), which are incompatible with generative linguistics. The authors try to reconcile an apparent contradiction by appealing to two different perspectives on language that they call the *dynamic* and the *static* one. They provide arguments in favor of the former and explore existing arguments against the later, which is associated with the aforementioned hypothesis. The authors conclude by pointing out that Humboldt's legacy has so many facets that it introduces to incompatible views on language each of which had a serious impact on the studies of language in the 20th century.

Keywords: Humboldt, Chomsky, Sapir – Whorf hypothesis, linguistics, Form, grammar, syntax, semantics

Введение

В данной статье мы рассмотрим ключевые идеи Вильгельма фон Гумбольдта о языке и их релевантность для современных исследований в области лингвистики.

Основатель современной генеративной лингвистики Н. Хомский в своих работах отсылает к Гумбольдту как основоположнику генеративистского подхода. Здесь мы рассмотрим основные идеи Гумбольдта, которые получили развитие в современной генеративной лингвистике, а также те идеи, которые не вполне соотносятся с современными представлениями о языке, сформулированными в рамках данной дисциплины. Хомский проводит параллель между понятием формы у Гумбольдта и своим понятием внутренней порождающей грамматики. Тем не менее в работах Гумбольдта также встречаются высказывания о глубоких различиях, существующих между разными языками, а также утверждения о том, что разные языки могут формировать разные картины мира. Помимо этого Гумбольдт говорил о том, что существующие естественные языки обладают разной степенью развитости (от примитивных до развитых языков). Эти идеи перекликаются с философскими идеями о лингвистической относительности (знаменитая гипотеза Сепира – Уорфа). Данные положения противоречат основной установке современной генеративной лингвистики.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, почему эти идеи не совместимы с основными положениями лингвистики, основанной на идеях Хомского. Мы также выскажем идею о том, в каком смысле гипотеза Сепира – Уорфа является релевантной для современной генеративной лингвистики. Опираясь на идеи Гумбольдта, мы сформулируем тезис о том, что гипотеза Сепира – Уорфа о лингвистической относительности может рассматриваться как правильная, если мы

рассматриваем так называемый статический срез языка, однако если мы рассмотрим язык как динамическую порождающую систему, то нам следует отбросить данную идею.

Прежде чем мы рассмотрим конкретные идеи Гумбольдта, которые нашли свое отражение в генеративной традиции, мы представим основные идеи Н. Хомского о языке как порождающей системе. Затем мы исследуем те утверждения в наследии Гумбольдта, которые связаны с концепцией онтологической относительности и гипотезой Сепира – Уорфа и которые резко расходятся с теоретическими постулатами генеративной лингвистики. Мы противопоставим два ключевых воззрения на язык (динамическое и статическое), лежащих в основе этого расхождения. Приведем аргументы в защиту динамической установки и рассмотрев доводы против статической, мы завершим нашу статью указанием на то, что, несмотря на фундаментальные различия в этих двух установках, В. фон Гумбольдт тематизирует каждую из них, что делает его наследие еще более ценным для современного языкознания и философии языка.

Представления о языке в современной генеративной лингвистике

Генеративная грамматика – подход к исследованию языка, который был заложен в работах Н. Хомского. В рамках данного подхода способность к освоению языка понимается как врожденное когнитивное свойство человека. Хомский подчеркивает уникальность языковой способности: человек – это единственное живое существо, способное овладеть языком. Человеческий язык отличается от любых других систем общения в животном мире. Уникальность этой знаковой системы состоит в том, что она позволяет сформулировать неограниченное количество осмысленных выражений из ограниченного количества отдельных языковых единиц. Откуда мы можем знать, что человеческий язык способен породить бесконечное число предложений? Классическим аргументом в пользу этой идеи является тот факт, что язык обладает рекурсией. Например, предложение «Ваня сказал, что снег бел» может быть составной частью предложения «Олег сказал, что...», которое в свою очередь может быть частью предложения «Настя сказала, что...» и т.д. Понятно, что процесс формирования предложений такого типа не ограничен грамматикой языка, а ограничен лишь временем.

Человек способен овладеть языком в силу того, что он рождается со знанием универсальной грамматики – порождающей системы, общей для всех языков мира. Одним из классических аргументов в пользу идеи универсальной грамматики является тот факт, что

ребенок практически полностью осваивает язык за очень короткий период времени 2–3 года. Этот подход противостоит подходу, который можно выразить тезисом «язык – это его употребление». Второй подход основывается на идее о том, что ребенок осваивает язык благодаря процессу запоминания и статистического анализа большого количества лингвистических данных. Основной проблемой для такого рода подхода, с точки зрения Хомского, является тот факт, что данных, которые ребенок получает за 2–3 года, недостаточно для того, чтобы освоить язык в той мере, в какой он реально осваивается. Ребенок в этом возрасте способен производить и понимать предложения, которые он никогда не слышал.

Помимо этого, в пользу своей концепции Хомский приводит тот факт, что, когда дети совершают ошибки на ранних этапах освоения языка, они спонтанно производят языковые конструкции, реализующиеся в языках, с которыми они не сталкивались, т.е. не существующие в их родном языке [Crain & Thornton, 1998, 2012; Crain et al., 2017]. Речь, конечно, не идет о том, что дети используют лексические единицы, существующие в других языках, которых они никогда не слышали. Речь здесь идет об использовании грамматических конструкций, реализующихся в других языках. Это говорит о том, что дети осваивают язык, перебирая возможные варианты грамматик, совместимых с теми языковыми данными, которые они на данном этапе получили.

Концепция Хомского предполагает, что универсальная грамматика налагает определенные ограничения на возможные естественные языки. Она определяет, какие языки являются невозможными. Так, ключевым свойством всех известных естественных языков является наличие структурных зависимостей. У нас есть интуиции о том, какие слова в предложении формируют общую структуру, иными словами, образуют конститuentу. Так, в предложении «Ваня увидел человека с зонтом» «с зонтом» является конститuentой, а «человека с» не является. Порядок произнесения элементов в конститuentе может различаться в разных языках: так, например, в некоторых языках группа, состоящая из предлога и существительного, произносится в обратном порядке. Однако интуиции о том, какие выражения формируют единую структуру, а какие нет, являются общими для двух типов языков. Интуиции о том, какие выражения являются конститuentами, а какие нет, развиваются как один из аспектов освоения родного языка.

Грамматические правила, управляющие синтаксисом естественных языков всегда отсылают к структуре, а не к линейной последовательности слов. В качестве примера здесь можно привести формирование вопроса в английском языке [Chomsky et al., 2019]. Так, в повествовательном предложении вспомогательный глагол располагается после субъекта «He is harpu». Для формирования вопроса

глагол «is» нужно передвинуть в начало предложения «Is he happy?». В данном конкретном примере глагол «is» является первым и единственным. Тем не менее правило, которое должен освоить ребенок, состоит в том, что следует найти и передвинуть главный, а не первый вспомогательный глагол [Crain & Nakayama, 1987; Crain et al., 2017]. Так вопрос, который формулируется на основе предложения «The man who is from Italy is happy», будет звучать как «Is the man who is from Italy happy?», но не как «*Is the man [who _ from Italy] is happy?», где был передвинут первый по счету глагол «is» (последнее предложение является грамматически некорректным в английском языке). С точки зрения Хомского, знание о том, что в естественных языках важна структурная позиция вспомогательного глагола, а не его линейное положение в предложении, является врожденным. Это подтверждается тем фактом, что дети никогда не производят предложений подобных «Is the man [who _ from Italy] is happy?», т.е. они никогда не рассматривают гипотезу о том, что правила языка могут отсылать к линейной зависимости, а не структурной. Таким образом существует связь между процессом освоения языка ребенком и существующим языковым разнообразием (иными словами, существующими ограничениями на возможные грамматики) [Crain & Thornton, 1998, 2012; Crain et al., 2016]. Хомский указывает на то, что линейные зависимости являются более простыми, чем структурные. Тем не менее языков, в которых синтаксические правила формулируются на основе линейного порядка слов, не существует, они не допускаются универсальной грамматикой. Так, невозможен естественный язык, в котором вопрос формировался бы путем произнесения слов повествовательного предложения в обратном порядке.

Еще одним традиционным аргументом в пользу идеи врожденности универсальной грамматики является то, что глухие дети, не имеющие доступа к разговорному языку, создают жестовые языки, грамматика которых сходна с грамматикой всех остальных естественных языков [Feldman et al., 1978; Kegl et al., 1999; Sandler & Lillo-Martin, 2006]. Известным примером является никарагуанский жестовый язык, который возник в результате коммуникации глухих детей, оказавшихся в окружение себе подобных [Osborn, 1999].

Генеративный подход стремится понять нашу языковую способность как когнитивный механизм, сформировавшийся в ходе эволюционного процесса. Поскольку есть основания полагать, что этот процесс произошел в очень короткие сроки, механизм универсальной грамматики должен быть максимально простым [Bolhuis et al. 2014; Berwick & Chomsky, 2016].

Релевантность идей Гумбольдта для современной лингвистики

В книгах «Современные проблемы лингвистической теории» [Chomsky, 1964] и «Картезианская лингвистика» [Хомский, 2005] Н. Хомский проводит параллели между идеями генеративного подхода и идеями, высказанными предшествующими мыслителями, в частности Р. Декартом и В. Гумбольдтом.

Хомский пишет о том, что основная идея, лежащая в основе его теории – идея о том, что основополагающим свойством человеческого языка является творческая природа, – была сформулирована уже в работах Декарта: «Замечательно, что нет людей настолько тупых и глупых, не исключая и полоумных, которые не смогли бы связать несколько слов и составить из них речь, чтобы передать свою мысль. И напротив, нет другого животного, как бы совершенно и одарено от рождения оно ни было, которое сделало бы нечто подобное» [Декарт, 1950, с. 301].

Хомский указывает на то, что эта идея в наиболее явном виде была выражена в теории общего языкознания Гумбольдта. Речь идет о проводимом Гумбольдтом различии между понятиями *energeia* («деятельность») и *ergon* («продукт деятельности»). Язык понимается Гумбольдтом как созидающий процесс, а не как мертвый продукт. В этом смысле гумбольдтовское понимание языка является генеративным. «Язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energeia*). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [Гумбольдт, 2000, с. 70].

Хомский проводит параллель между понятием формы языка Гумбольдта и идеей порождающей грамматики. Гумбольдт понимает форму языка как нечто «постоянное и единообразное», «взятое во всей совокупности своих связей и систематичности» в деятельности духа, направленной на производство высказываний языка [там же, с. 71]. Хомский интерпретирует гумбольдтовское понятие формы как неизменные глубинные законы порождения [Хомский 2005, с. 50]. Форма языка противопоставляется материи. Гумбольдт пишет о том, что можно условно назвать неизменяемую основу слова материей, а склонение формой, но данное различие не абсолютно, т.к. в языке невозможно выделить материю в чистом виде: даже звук становится членораздельным только после того, как ему будет предана определенная форма. Таким образом, под формой Гумбольдт понимает не просто правила грамматики, словообразования, форма пронизывает весь язык, даже образование основ слов невозможно без формы

[Гумбольдт, 2000, с. 72]. Материя представляет собой «совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка» [там же, с. 73].

Гумбольдт также пишет о языке как о системе, способной порождать бесконечное количество явлений языкового характера с помощью конечного набора средств: «нужно признать за ней способность порождать бесчисленное множество таких явлений при любых условиях, которые ставит перед нею мысль», «она должна бесконечно использовать конечный набор средств» [там же, с. 110]. Здесь мы опять-таки обнаруживаем сходство с идеями генеративной грамматики Хомского, описанными нами выше.

Идея о том, что способность к языку может быть только врожденной, также присутствует в системе языкознания Гумбольдта: «Никакая человеческая память не смогла бы этого обеспечить, если бы душа одновременно не содержала бы в себе некий инстинкт, представляющий ей ключ к образованию слов» [там же, с. 112]. Интуиция о том, что дети осваивают язык, не просто запоминая слова и фразы и осуществляя статистическую обработку данных, также выражена в философии Гумбольдта: «Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнением» [там же, с. 78].

Гумбольдт как предшественник идей о лингвистической относительности

Несмотря на сходство представлений Гумбольдта и Хомского о языке, Гумбольдт также считается предшественником гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа – идеи, в значительной степени противоречащей идее об универсальной природе естественных языков.

Гумбольдт пишет о том, что язык может детерминировать мыслительные процессы («главное воздействие языка на человека обусловливается его мыслящей и в мышлении творящей силой; эта деятельность имманентна и конструктивна для языка» [там же, с. 58]), и о том, что язык формирует индивидуальную картину мира нации («язык, какую бы форму он ни принимал, всегда есть духовное воплощение индивидуальной жизни нации» [там же, с. 72]). Хомский сам указывает на то, что здесь взгляды Гумбольдта на язык расходятся с точкой зрения генеративной грамматики («наделяя отдельные языки подобной ролью в детерминировании мыслительных процессов, Гумбольдт радикальным образом отходит от положений картези-

анской лингвистики и занимает позицию, гораздо более характерную для романтиков» [Хомский, 2005, с. 52–53]).

Гумбольдт проводит различие между более примитивными языками и менее примитивными («Если я не обманываюсь в моих наблюдениях, такие, обычно приписываемые времени, звуковые изменения в примитивных языках представлены меньше, чем в развитых» [Гумбольдт, 2000, с. 218]). Он пишет о том, что существует «разграничение между языками, мощно, с закономерной свободой и последовательно развернувшимися из чистого начала, и теми, которые не могут похвалиться подобным достижением. Первые – удавшиеся плоды языкотворческого порыва <...>. Вторые обладают неправильной формой <...>» [там же, с. 159]. Данный взгляд противоречит идее универсальной грамматики Хомского. Согласно представлениям современной генеративной лингвистики все языки равны с точки зрения их выразительной способности в силу того, что все они являются реализацией общей врожденной грамматики. В определенном смысле, все языки являются простыми – универсальная грамматика сводится к нескольким простым операциям. Хомский, как было указано выше, считает, что эта простота способствовала возникновению языка как когнитивной способности в результате процесса эволюции.

Понимание языка как чего-то «в каждый данный момент переходящего», как «деятельности», предполагающей перманентное изменение в силу «постоянно возобновляющейся работы духа» и свойственного ему творческому началу, которое проповедовал Гумбольдт, также приводит Хомского к необходимости делать важные оговорки. Генеративная лингвистика не может всецело и безоглядно принимать идею языка как живой материи, способной изменяться во всех своих аспектах. Одним из ключевых ограничений «творческого начала» присущего тому или иному естественному языку, по Хомскому, является его грамматика. Язык может пополняться новыми словами, а старые слова могут изменять свои исходные смыслы (в эпоху глобализации мы наблюдаем это на постоянной основе практически во всех языках), однако принципы оперирования этими словами для составления грамматически корректных выражений должны оставаться неизменными. Именно поэтому Хомский делает прямую оговорку: «Гумбольдт не проводит четкого различия <...> между тем видом “творчества”, которое оставляет язык полностью неизменным (как это имеет место в порождении и понимании новых предложений, т.е. той деятельности, которую постоянно осуществляет каждый взрослый индивид), и его видом, которое действительно изменяет набор грамматических правил языка <...> Между тем данное различие является фундаментальным» [Chomsky, 1964, p. 22].

Хомский считает возможным представить в терминах генеративной грамматики определенные аспекты гумбольдтовской *формы*

языка лишь в той мере, в какой та распространяется на «творческое начало, реализуемое по правилам» (rule-governed creativity) [Chomsky, 1964]. Безграничность и продуктивность должна, по Хомскому, обеспечиваться за счет природы этих правил (т.е. за счет присущей им рекурсивности), но не за счет постоянной возможности видоизменять сами эти правила. Набор грамматических правил является ключевой идентифицирующей составляющей каждого языка. Изменение грамматики означает изменение языка (переход от одного диалекта к другому).

Эти расхождения с идеями генеративной лингвистики не позволяют в полной мере рассматривать Гумбольдта как предшественника этого направления. Те же аспекты его наследия, которые оказываются несовместимыми с традицией Хомского, представляют, тем не менее, интерес для иных направлений языкознания, предвосхитив многие теории, появившиеся уже в XX в., о которых мы упомянем ниже. Здесь же хотелось бы поставить следующий вопрос: является ли описанная несовместимость ряда аспектов концепции Гумбольдта с генеративной лингвистикой следствием специфики последней или же внутри самой этой концепции заложены разнонаправленные тенденции, приведшие в итоге к несовместимым друг с другом воззрениям на язык?

Бихевиористско-таксономическая концепция языка

В «Современных проблемах лингвистической теории» Хомский противопоставляет представление о языке, сформулированное в работах Гумбольдта, так называемому бихевиористско-таксономическому представлению о языке. Восходя к работам У. Уитни (малоизвестного сегодня американского лингвиста, считавшего, что язык является социальным институтом), данная модель языка рассматривала его как «набор слов или выражений, с помощью которых любой человек выражает свои мысли» [ibid., p. 22]. В рамках данного подхода язык рассматривается как набор знаков, фиксированных фраз и их грамматических свойств, а не как совокупность правил, порождающих язык.

Эта же установка воспроизводилась и в концепции Ф. де Соссюра, который, как известно считал, что связь знака с обозначаемым неразрывна. Хомский пишет: «Соссюр, как и Уитни, рассматривает язык (langue) как набор знаков с их грамматическими свойствами, т.е. набор словоподобных элементов, фиксированных выражений и, возможно, некоторых ограниченных типов фраз» [ibid., p. 23]. Можно сказать, что данную установку в известной степени разделяли

также Л. Витгентштейн и У. Куайн. Она открыто провозглашается А. Рантой, одним из основоположников ставшей в последние годы популярной в России теоретико-типовой грамматики [Ranta, 1994, pp. 6–7], и многими другими философами языка. Данную теоретическую установку в отношении языка мы будем называть «статической», противопоставляя ее «динамической» установке Гумбольдта и Хомского.

Если неотъемлемой составляющей самой природы любого языкового выражения является предметное (смысловое) значение, с которым это выражение сопоставляется в языке, то, разумеется, прямым следствием этого будет та или иная картина мира (онтология), которая соответствует тому или иному языку как набору содержательных знаков. И, разумеется, разные языки будут обладать разными онтологиями в точном соответствии с пониманием языка как зеркала природы [Витгенштейн, 1994] или концептуальной схемы, представляющей собой сеть связанных теоретических понятий, которые в своем единстве задают ту или иную онтологию в зависимости от того, как реализуется «соприкосновение» периферийной части этой схемы с эмпирической реальностью (чувственным опытом) [Quine, 1939; 1969].

Сходным образом если языковые выражения и связанные с ними смыслы раз и навсегда зафиксированы в языке, то и понятийная составляющая языка оказывается строго фиксированной. Обладать языком означает оперировать определенным набором понятий, являющихся обозначениями содержащихся в нем общих или абстрактных терминов. Данная установка оказывается, таким образом, связанной и с тезисом Сепира – Уорфа о детерминированности мышления языком. Неудивительно, что российский философ С.Ю. Бородай, один из современных сторонников гипотезы (или принципа) Сепира – Уорфа, провозглашающий лозунг «Назад к Уорфу!», пишет: «Природа языка не объяснима чисто формальными характеристиками. То, что принято называть формальной системой, или внутренней формой, находится в зависимости от содержания» [Бородай, 2019, с. 115].

По-видимому, в рамках такой установки на природу языка мы, действительно, получаем картину, при которой носители разных языков «живут» в разных мирах, а их мышление реализуется разными способами. И если подобные выводы действительно связаны со статическим видением языка, то тогда, возможно, наследие Гумбольдта можно рассматривать и не только как исследующее язык в его динамической перспективе, но также и в статической. Гумбольдт, таким образом, несмотря на его критику статического подхода, может предстать как исследователь, показавший те следствия, к которым этот подход ведет, и тем самым предложившим конструктивную разработку этой составляющей языка, став предшественником целой традиции в современном языкознании.

Динамическая vs статическая модели языка в современном языкознании

Как известно, существует ряд возражений против концепции онтологической относительности, равно как и против гипотезы Сепира – Уорфа, которые ставят под вопрос корректность лежащего в их основе статического понимания языка. В то же время существует ряд аргументов (в том числе и тех, что ссылаются на конкретные эмпирические данные) в поддержку динамического подхода к языку и связанного с ним выделения такой формальной составляющей, как набор грамматических правил, не связанных необходимым образом с предметным значением тех выражений, на которые эти формальные правила распространяются. В этом разделе мы рассмотрим некоторые из упомянутых возражений и сделаем отсылки к аргументам в пользу того, что Хомский называл «автономностью синтаксиса» [Chomsky, 1957].

Концепция онтологической относительности, развивавшаяся в работах У. Куайна и Д. Дэвидсона (см., например [Рогонян, 2018; Макеева, 2011]), в известной степени может рассматриваться как безобидная, т.е. не имеющая радикальных негативных последствий установка. Если интерпретация того или иного фрагмента языка может осуществляться на том или ином универсуме сущностей (объектов), то вполне возможно, что эти универсумы могут быть разными (т.е. один и тот же язык может быть проинтерпретирован на более чем одном универсуме). Идея У. Куайна о недоопределенности природы языком [Куайн, 2005], понимаемая таким образом, вполне совместима и с динамической установкой по отношению к языку, ибо автономность синтаксиса также предполагает применимость одной и той же грамматики к разным универсумам.

Однако концепция онтологической относительности может рассматриваться и в более сильной версии, согласно которой любая реальность по определению задается (конструируется) языком, а поэтому наличие двух разных языков с необходимостью предполагает наличие двух разных реальностей. Данный взгляд был сформулирован еще Витгенштейном («Границы моего языка означают границы моего мира»). У Куайна был совмещен с постпозитивистским пониманием внеязыковой реальности исключительно как бессвязного потока чувственных данных (стимулов), которые упорядочиваются той или иной концептуальной системой, фиксируемой языком, который постулирует существование тех или иных сущностей и устанавливает между ними те или иные связи, стараясь наилучшим образом согласовать воспринимаемый поток стимулов [Quine, 1961; 1969b]. Это видение онтологической относительности было воспринято релятивистской философией второй половины XX в. [Rorty, 1979; Филатов и др., 2009], и именно оно может быть связано со «статическим»

пониманием отдельных языков, ведущим к общему лингвистическому и онтологическому релятивизму.

Основным возражением против данной версии концепции онтологической относительности и связанной с ней семантики, в которой те или иные элементы универсума являются эпифеноменом языка, будучи просто постулированными в нем сущностями, является так называемая теория прямой референции [Kripke, 1972; Putnam, 1974]. В этой традиции, как известно, было показано, что объекты универсума могут быть «первичными» по отношению к обозначающим их терминам и не сводиться ни к какому из описаний, ассоциированных с этими терминами. Данные темы были освещены во множестве работ, и мы ограничимся отсылкой читателя к некоторым из них¹.

Что же касается зависимости мышления от используемого языка и гипотезы Сепира – Уорфа, то здесь стандартно рассматривают три версии этой гипотезы (сильную, ограниченную и слабую) и показывают, что сильная не выдерживает критики, ограниченная остается недоказанной, а слабая не имеет значимых следствий (см., например [Elbourne, 2011]). Сильная версия этой гипотезы связывается с утверждениями, подобными следующему пассажиру из Уорфа и предполагает детерминированность мышления (т.е. тех понятий, которые мы используем в мышлении) языком: «Мы расчленяем природу по линиям, задаваемым нашим языком. Выделяемые нами в мире категории и типы мы не обнаруживаем в нем самом в силу их доступности любому наблюдателю. Дело обстоит наоборот: мир представляется в качестве калейдоскопического потока впечатлений, которые должны быть так или иначе организованы в нашем сознании, т.е. посредством языковой системы нашего сознания» [Whorf, 1956, pp. 213–214].

Довольно сложно понять, в чем конкретно может заключаться продуктивная сторона сильной версии этой гипотезы в силу наличия вполне очевидных контрпримеров. Не секрет, что множество общих понятий, которые мы можем сформулировать, не фиксируются в языке. Например, в русском языке не фиксируется понятие, зафиксированное в английском языке термином «sibling». Между тем носители русского языка не имеют сложностей с пониманием того, о чем идет речь. Сходным образом, глухие от рождения дети, выросшие в изоляции от других глухих и не имевшие возможности освоить жестовый язык², тем не менее были способны выполнять сельскохозяйственные и промысловые работы, что однозначно говорило о наличии

¹ См., например [Devitt, Sterelny, 1999; Иванов, 2009; Джохадзе, 2017].

² Жестовые языки являются не набором иконических знаков, используемых для трансляции мысли, подобно пантомиме, и не знаковыми коррелятами звуковых языков, а такими же самостоятельными естественными языками, организованными по правилам грамматики, как и звуковые языки (см., например [Sacks, 1989; Jakendoff, 1994; Pinker, 1994]).

у них понятий при отсутствии языка [Sacks, 1989; Schaller, 1991; Pinker, 1994]. Эти факты, по-видимому, говорят о ложности сильной версии гипотезы Сепира – Уорфа.

Согласно ограниченной версии этой гипотезы в ряде случаев носители того или иного языка склонны усматривать в мире те свойства или отношения, которые происходят исключительно из свойств и отношений между элементами их языка. Так, П. Гордон [Gordon, 2004] и Д. Эверетт [Everett, 2008] утверждали, что у представителей племен Амазонии, в языках которых числовые различия присутствуют очень условно и нет эквивалента привычным обозначениям чисел (есть только условные «один»-«два»-«много» или даже «немного»-«много»), нет также и понятия чисел. В подтверждение этого приводились данные экспериментов, демонстрировавшие, что носители таких языков не различали между концептом «три» и концептом «четыре».

Сходным образом приводились данные из языков, в которых пространство концептуализировано не относительно субъекта, а абсолютно (если в индоевропейских языках есть понятия «справа»-«слева» (от говорящего), то в таких языках пространство концептуализируется абсолютно и пространственные отношения задаются, исходя из объективных, а не относительных координат: «к северу», «к югу» и т.д., см., например [Levinson, 2003], а также обзорное обсуждение этой и связанных тем в [Бородай, 2013]). Эксперименты показывают, что в ситуациях, не предполагающих использования локализирующих терминов, упорядочивание пространства у носителей этих языков все равно осуществляется абсолютным образом, даже если ситуация предполагает обратное. Например, участник эксперимента (носитель языка гуугу ймитиirr, одного из языков австралийских аборигенов) смотрит на упорядоченную последовательность объектов А, Б и В, где А, Б и В упорядочены слева направо и А, скажем, ближе к западу, В – к востоку, а Б – посередине. Затем тестируемого разворачивают на 180 градусов и предлагают выбрать такую же последовательность, как исходная, из двух других вариантов: в одном варианте А, Б и В всё так же упорядочены слева направо (но теперь, поскольку человек развернулся, отношение этих объектов к направлениям компаса изменилось: А ближе к востоку, В – к западу, а Б – между ними), во втором варианте А всё так же ближе к западу, В – к востоку, а Б – между ними (их упорядоченность относительно индивида, соответственно, обратная: В – слева, А – справа, а Б – посередине). Носители языков с абсолютным пространственным упорядочиванием выбирали второй вариант, считая его таким же, как и первый, что может быть неожиданно для носителей языков с относительной организацией пространства.

Из этих данных делались выводы о влиянии языка на мышление и концептуализацию мира его носителями. Стандартное возражение здесь не предполагает отрицания данных описанных экспериментов,

а указывает на то, что эти данные могут скорее говорить о том, что культура носителей упомянутых языков, а не сами языки, предполагает соответствующее мировоззрение или иными способами задает их поведенческие предпочтения. Так, Э. Невинс, Д. Песетский и С. Родригез [Nevins, Pesetsky & Rodriguez, 2009] увязывают отсутствие чисел у Пираха с культурой охотников-собирателей, не имеющих торговли или сложной системы управления. Сходным образом можно сказать, что склонность носителей гуугу ймитиirr действовать, исходя из абсолютного упорядочивания окружающего мира диктуется их культурой, а не языком. Язык в лучшем случае лишь отображает это. Здесь вспоминаются известные способы обучения крестьян в царской армии концептам «лево» и «право» через термины «сено» и «солома», что свидетельствовало об изначальном отсутствии у них соответствующих концептов. При этом, разумеется, нельзя сказать, что они говорили со своими командирами, у которых эти концепты были, на разных языках. Освоение ими концептов «лево» и «право», возможно, обогащало их картину мира и словарь, но вряд ли они от этого начинали говорить на новом языке. В современном мире мы постоянно обретаем новые концепты, обогащая при этом и наш словарь, но мы от этого не начинаем говорить на новом языке. Более того, используемый язык здесь вряд ли может быть инстанцией, детерминирующей существования этих концептов.

Существуют и другие аргументы в пользу так называемой ограниченной теории детерминирования языком мышления, однако все их сторонники оказываются перед необходимостью доказать, что наблюдаемые ими особенности поведения или мышления диктуются именно языком³. А поскольку, как мы попытались продемонстрировать, представление подобного доказательства является задачей чрезвычайно сложной, ограниченная версия гипотезы Сепира – Уорфа также не может быть принята.

Наконец, наиболее слабая версия гипотезы Сепира – Уорфа предполагает, что наш способ стереотипного мышления о некоторых темах может регулироваться особенностями нашего языка. Так, эксперименты, проведенные психологом Л. Бородитски и ее коллегами [Boroditsky et al., 2003], показывают, что люди склонны приписывать «женские» качества объектам, описываемым существительными женского рода, и «мужские» качества объектам, описываемым существительными мужского рода. Это зависимость работает не только

³ В обзорной статье С.Ю. Бородай [Бородай, 2019] приводятся и иные аргументы в поддержку зависимости мышления от языка. Более подробное исследование этой темы лежит вне целей данной статьи, однако приведенная аргументация указывает на общее направление, по которому могут строиться возражения многим аргументам такого рода. В последующих работах мы надеемся обсудить эти темы в более продуктивном ключе.

на уровне языков, за которыми стояли культуры, но проявлялась и в случае с вымышленными языками, у которых не было носителей, разделяющих ту или иную культуру.

Подобного рода закономерности, действительно, интересны, однако вряд ли могут быть рассмотрены как всерьез детерминирующие мировоззрение или мышление. Стивен Пинкер указывает, что никто, например, в Германии не попытается приглашать мост на свидание на том основании, что немецкое слово «Brücke» женского рода.

Таким образом, сильные релятивистские аргументы относительно влияния языка на мировоззрение или мышление сталкиваются с многочисленными возражениями, которые мы считаем серьезными, убедительными и демонстрирующими их проблематичность. Вместе с этим под сомнение ставится и статическая модель языка, которую Хомский называл «бихевиористско-таксономической», а сфера ее востребованности оказывается весьма ограниченной.

Вместе с тем существует и ряд аргументов в пользу «динамической» гумбольдтовской модели. Наиболее известным аргументом является, как мы уже сказали, тезис Хомского об автономности синтаксиса от семантики, наиболее яркой и известной иллюстрацией которого является, пожалуй, фраза «Бесцветные зеленые идеи неистово спали», которая, как указывает Хомский, воспринимается носителями языка как грамматически корректная, несмотря на ее полную бессмысленность. В своих последних работах мы исследуем новые доводы в поддержку того видения языка, которое мы связали здесь с Гумбольдтом и Хомским. Мы исследуем вопрос о соотношении когнитивной согласованности значения утверждений с их грамматической корректностью, увязывая этот вопрос с рядом аргументов относительно языка, делавшихся на протяжении XX в. в аналитической философии. В работах [Вострикова, Куслий, 2019] и [Вострикова, Куслий, в печати] мы показываем, что тот факт, что утверждения, содержащие противоречия («Ты не ты») и категориальные ошибки («Цезарь есть простое число»), в естественном языке грамматически корректны, несмотря на их когнитивную несогласованность, является неслучайным и следует именно из того обстоятельства, что правила, которые определяют формальную корректность выражений в том или ином естественном языке, не учитывают предметного значения конкретных содержательных терминов. Словарь языка (то, какие содержательные термины соотносятся с какими смыслами), по Хомскому, не является частью его грамматики, а потому и не является идентифицирующим элементом языка. Языки и их словари меняются с течением времени (даже в рамках жизни одного человека), но мы необязательно при этом считаем, что человек говорит в разные времена на разных языках. Есть один неизменный элемент на протяжении всего этого времени, благодаря которому всегда можно рассматривать человека как говорящего на протяжении всей

своей жизни на одном языке, и этим элементом является грамматика (его родного языка).

Грамматическая корректность не детерминируется отношением языка с миром, что дополнительным образом подтверждается тем обстоятельством, что так называемые структурно противоречивые утверждения (т.е. те, что являются противоречивыми в силу значения входящих в них функциональных терминов) оказываются грамматически некорректными (пример «На столе каждая ваза») [Gajewski, 2002].

Заключение

Статический взгляд на язык предполагает рассмотрение его словаря как связанного неразрывным образом с теми объектными значениями, на которые элементы этого словаря указывают. При этом взгляде возникают основания для обоснованности гипотезы Сепира – Уорфа и многих из тех следствий, которые из нее делали философы языка XX в. Между тем, применимость этой установки имеет свои ограничения, а сама она оказывается неспособной объяснить ряд важных эмпирических феноменов, а также сталкивается с серьезными концептуальными и фактическими контрпримерами. Наиболее предпочтительной относительно природы языка является динамическая установка, которая, основываясь на идее автономности синтаксиса, рассматривает в качестве основного конститутивного элемента языка его грамматику, т.е. те формальные правила, которые обеспечивают порождение бесконечного числа грамматически корректных выражений (независимо от того, оказываются они осмысленными или нет).

Современным выразителем этой установки является генеративная лингвистика Н. Хомского, которая, в свою очередь, опирается на наследие В. Гумбольдта, который в своих работах не только тематизировал динамическую установку на язык, но и заложил основы для понимания природы статической установки. Уникальность концепции Гумбольдта в том, что в ней гармоничным образом сочетаются установки, противоположные друг другу в современном языкознании.

Список литературы

Бородай, 2013 – *Бородай С.Ю.* Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17–54.

Бородай, 2019 – *Бородай С.Ю.* Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 106–136.

Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Вострикова, Куслий, 2019 – *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Тавтологии и противоречия в философии языка: когнитивные и грамматические аспекты // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 82–102.

Вострикова, Куслий, в печати – *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Грамматикализация категориальной ошибки и естественный язык // Вопросы философии. 2020 (в печати).

Гумбольдт, 2000 – *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.

Декарт, 1950 – *Декарт Р.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.

Джохадзе, 2017 – *Джохадзе И.Д.* В защиту семантического экстернализма. Аргументы Хилари Патнэма // Философский журнал 2017. Т. 10. № 1. С. 154–162.

Иванов, 2009 – *Иванов Д.В.* Судьба метафизики в аналитической философии: Карнап, Куайн, Крипке // Философские науки. 2009. № 4. С. 99–113.

Куайн, 2005 – *Куайн У.* Еще раз о неопределенности перевода // Логос. № 2 (47). 2005. С. 32–45.

Макеева, 2011 – *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М.: НИУ-ВШЭ, 2011. 312 с.

Рогонян, 2018 – *Рогонян Г.С.* Дэвидсон об истине, нормах и диспозициях // Epistemology & Philosophy of Science/ Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 68–83.

Филатов и др., 2009 – *Филатов В.П., Касавин И.Т., Рузавин Г.И., Антоновский А.Ю.* Обсуждаем статьи о конструктивизме // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20. № 2. С. 142–156.

Хомский, 2005 – *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. Пер. с англ. / Предисл. Б.П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. 232 с.

Berwick & Chomsky, 2016 – *Berwick R.C., Chomsky N.* Why Only Us. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 224 pp.

Bolhuis et al., 2014 – *Bolhuis J., Tattersall I., Chomsky N., Berwick R.C.* How Could Language Have Evolved? // PLoS Biology. 12: e1001934. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1001934>

Boroditsky et al., 2003 – *Boroditsky L., Schmidt L.A., Phillips W.* Sex, Syntax, and Semantics // Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought / Ed. by D. Gentner & S. Goldin-Meadow. Cambridge: MIT Press, 2003. P. 61–79.

Chomsky, 1957 – *Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957. 284 pp.

Chomsky, 1964 – *Chomsky N.* Current Issues in Linguistic Theory. The Hague: Mouton 1964. 119 pp.

Chomsky et al., 2019 – *Chomsky N., Gallego A.J., Ott D.* Generative Grammar and the Faculty of Language: Insights, Questions, and Challenges // Catalan Journal of Linguistics Special Issue, 2019. P. 229–261.

Crain & Thornton, 1998 – *Crain S., Thornton R.* Investigations in Universal Grammar. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

Crain & Thornton, 2012 – *Crain S., Thornton R.* Syntax Acquisition // WIREs Cognitive Science 2012. Vol. 3. P. 185–203.

Crain et al., 2016 – *Crain S., Koring L., Thornton R.* Language Acquisition from a Biolinguistic Perspective // Neuroscience and Bio-behavioral Reviews. 2017. Vol. 81 (B). P. 120–149.

Devitt, Sterelny, 1999 – *Devitt M., Sterelny K.* Language and Reality. 2nd ed. Oxford, 1999.

Elbourne, 2011 – *Elbourne P.* Meaning: A Slim Guide to Semantics. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Everett, 2008 – *Everett D.L.* Don't Sleep, There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle. N.Y.: Pantheon Books, 2008.

Feldman et al., 1978 – *Feldman H., Goldin-Meadow S., Gleitman L.* Beyond Herodotus: The Creation of Language by Linguistically Deprived Deaf Children // Action, Gesture, and Symbol / Ed. by A. Lock. London: Academic Press, 1978. P. 349–414.

Gajewski, 2002 – *Gajewski J.* On Analyticity in Natural Language. Cambridge, MA: MIT, 2000.

Gordon, 2004 – *Gordon P.* Numerical Cognition Without Words: Evidence From Amazonia // Science. 2004. No. 306. P. 496–99.

Jackendoff, 1994 – *Jackendoff R.S.* Patterns in The Mind: Language and Human Nature. N.Y.: Basic Books, 1994.

Kegl. et al. 1999 – *Kegl J., Senghas A., Coppola M.* Creation Through Contact: Sign Language Emergence and Sign Language Change in Nicaragua // *Language Creation and Language Change* / Ed. by M. De Graff. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. P. 179–237.

Kripke, 1972 – *Kripke S.* Naming and Necessity // The Semantics of Natural Language / Ed. by G. Harman & D. Davidson, Dordrecht: Springer, 1972. P. 254–355.

Levinson, 2003 – *Levinson S.C.* Space in Language and Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Nevins, Pesetsky, Rodriguez 2009 – *Nevins A., Pesetsky D., Rodriguez C.* Pirahã Exceptionality: a Reassessment // Language. 2009. Vol. 85. No. 2. P. 355–404.

Osborne, 1999 – *Osborne L.* A Linguistic Big Bang // The New York Times, sect. 6:84, 1999, October 24.

Pinker, 1994 – *Pinker S.* The Language Instinct: The New Science of Language and Mind. Vol. 7529. Penguin UK, 1995.

Putnam, 1974 – *Putnam H.* Meaning and Reference // The Journal of Philosophy. Vol. 70. No. 19. 1973. P. 699–711.

Quine, 1939 – *Quine W.V.* Designation and Existence // The Journal of Philosophy. 1939. № 36. P. 706–707.

Quine, 1951 – *Quine W.V.* Two Dogmas of Empiricism // Philosophical Review. 1951. No. 60. P. 20–43.

Quine, 1969a – *Quine W.V.* Epistemology Naturalized // Ontological Relativity and Other Essays. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1969. P. 69–90.

Quine, 1969b – *Quine W.V.* Ontological Relativity // Ontological Relativity and Other Essays. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1969. P. 26–68.

Quine, 1987 – *Quine W.V.* Indeterminacy of Translation Again // *The Journal of Philosophy*. 1987. Vol. 84. No. 1. P. 5–10.

Ranta, 1994 – *Ranta A.* Type-Theoretical Grammar. Oxford: Oxford University Press, 1994. 226 pp.

Rorty, 1979 – *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 1979.

Sacks, 1989 – *Sacks O.* Seeing Voices: A Journey into the World of the Deaf. Berkeley: University of California Press, 1989.

Sandler & Lillo-Martin, 2006 – *Sandler W., Lillo-Martin D.* Sign Language and Linguistic Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 572 p.

Schaller, 1991 – *Schaller S.* A Man Without Words. York: Summit Books, 1991.

Whorf, 1956 – *Whorf B.L.* Language, Thought, and Reality. Cambridge, MA: MIT Press, 1956.

References

Berwick, R.C. & Chomsky, N. *Why Only Us*. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 224 pp.

Bolhuis, J., Tattersall, I., Chomsky, N. & Berwick, R.C. 2014. “How Could Language Have Evolved?”, *PLoS Biology*. 12: e1001934. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1001934>

Boroday, S.Yu. “Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа” [Language and Cognition: A Postrelativist Research Program], *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, vol. 4, pp. 106–136. (In Russian)

Boroday, S.Yu. “Sovremennoe ponimanie problemy lingvisticheskoj otnositel'nosti: raboty po prostranstvennoj kontseptualizatsii” [The Contemporary Interpretation of the Problem of Linguistic Relativity: Works on Space Conceptualization], *Voprosy jazykoznanija*, 2013, no. 4, pp. 17–54. (In Russian)

Boroditsky, L., Schmidt, L.A. & Phillips, W. “Sex, Syntax, and Semantics”, in: D. Gentner, S. Goldin-Meadow (eds.). *Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought*. Cambridge: MIT Press, 2003, pp. 61–79.

Chomsky, N. *Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoi mysli* [Cartesian Linguistics. A chapter in the History of Rationalist Thought]. Moscow: KomKniga 2005, 232 pp. (In Russian)

Chomsky, N. *Current Issues in Linguistic Theory*. The Hague: Mouton, 1964, 119 pp.

Chomsky, N., Gallego, A.J., Ott, D. “Generative Grammar and the Faculty of Language: Insights, Questions, and Challenges”, *Catalan Journal of Linguistics Special Issue*, 2019, pp. 229–261.

Crain, S. & Thornton, R. *Investigations in Universal Grammar*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

Crain, S. & Thornton, S. “Syntax Acquisition”, *WIREs Cognitive Science*, 2012, vol. 3, pp. 185–203.

Crain, S., Koring, L. & Thornton, R. “Language Acquisition from a Bi-linguistic Perspective”, *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2017, vol. 81 (B), pp. 120–149.

Descartes, R. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gospolitizdat, 1950, 712 pp.

Devitt M., Sterelny, K. *Language and Reality. 2nd Edition*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Dzhohadze, I.D. “V zashchitu semanticheskogo eksternalizma. Argumenty khilari patnema” [In Defense of the Semantic Externalism. Hilary Putnam’s Arguments], *the philosophy journal*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 154–162. (In Russian)

Elbourne, P. *Meaning: A Slim Guide to Semantics*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Everett D.L. *Don’t sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian jungle*. New York: Pantheon Books, 2008.

Feldman, H., Goldin-Meadow, S. & Gleitman, L. “Beyond Herodotus: The Creation of Language by Linguistically Deprived Deaf Children”, in A. Lock (ed.). *Action, Gesture, and Symbol*. London: Academic Press, 1978, pp. 349–414.

Filatov V.P., Kasavin I.T., Ruzavin G.I., Antonovskiy A. *Obsuzhdaem statyi o konstruktivizme* [Discussing Articles about Constructivism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 209, vol. 20, no. 2, pp. 142–156. DOI: 10.5840/eps200920268.

Gajewski, J. *On Analyticity in Natural Language*. Cambridge, MA: MIT, 2000.

Gordon, P. “Numerical Cognition Without Words: Evidence from Amazonia”, *Science*, 2004, no. 306, pp. 496–99.

Humboldt, V. von. “O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoe razvitiye chelovechestva” [On Language: On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species], in: Humboldt V. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress, 2000. (In Russian)

Ivanov, D.V. “Sud’ba metafiziki v analiticheskoi filosofii: Karnap, Kuain, Kripke” [The Faith of Metaphysics in Analytic Philosophy: Carnap, Quine, Kripke], *Filosofskie nauki*, 2009, no. 4, pp. 99–113. (In Russian)

Jackendoff, R.S. *Patterns in The Mind: Language and Human Nature*. New York: Basic Books, 1994.

Kegl, J., Senghas, A. & Coppola, M. “Creation Through Contact: Sign Language Emergence and Sign Language Change in Nicaragua”, in: M. De Graff (ed.). *Language Creation and Language Change*. Cambridge, MA: MIT Press, 1999, pp. 179–237.

Kripke, S. “Naming and Necessity”, in: G. Harman & D. Davidson (eds.) *The Semantics of Natural Language*. Dordrecht: Springer, 1972, pp. 254–355.

Levinson, S.C. *Space in Language and Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Makeeva, L.B. *Yazyk, ontologiya i realism* [Language, Ontology, and Realism]. Moscow: VShE, 2011, 312 pp. (In Russian)

Nevins, A., Pesetsky, D., Rodriguez, C. “Pirahã exceptionality: a reassessment”, *Language*, 2009, vol. 85, no. 2, pp. 355–404.

Osborne, L. “A Linguistic Big Bang”, *The New York Times*, sect. 6:84, 1999, October 24.

- Pinker, S. *The Language Instinct: The New Science of Language and Mind*. Vol. 7529. Penguin UK, 1995.
- Putnam, H. "Meaning and Reference", *The Journal of Philosophy*, 1973, vol. 70, no. 19, pp. 699–711.
- Quine, W.V. "Epistemology Naturalized", in: Quine, W.V. *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press, 1969, pp. 69–90.
- Quine, W.V. "Ontological Relativity", in: Quine, W.V. *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press, 1969, pp. 26–68.
- Quine, W.V. "Designation and Existence", *The Journal of Philosophy*, 1939, no. 36, pp. 706–707.
- Quine, W.V. "Indeterminacy of Translation Again", *The Journal of Philosophy*, 1987, vol. 84, no. 1, pp. 5–10.
- Quine, W.V. "Two Dogmas of Empiricism", *Philosophical Review*, 1951, no. 60, pp. 20–43.
- Ranta, A. *Type-Theoretical Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1994, 226 pp.
- Rogonyan, G.S. "Davidson ob istine, normakh i dispozitsiyakh" [Davidson on Truth, Norms, and Dispositions], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 68–83. DOI: 10.5840/eps201855469.
- Rorty, R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979.
- Sacks, O. *Seeing Voices: A Journey into the World of the Deaf*. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Sandler, W. & Lillo-Martin, D. *Sign Language and Linguistic Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 572 pp.
- Schaller, S. *A Man Without Words*. York: Summit Books, 1991.
- Vostrikova E.V., Kusliy P.S. "Grammatikalizatsiya kategorial'noi oshibki i estestvennyi yazyk" [Grammaticalization of Category Mistake and Natural Language], *Voprosy Filosofii*, 2020, in print. (In Russian)
- Vostrikova E., Kusliy, P.S. "Tautologii i protivorechiya v filosofii yazyka: kognitivnye i grammaticheskie aspekty" [Tautologies and Contradictions in Philosophy of Language: Cognitive and Grammatical Aspects], *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2019, vol. 2, no. 4, pp. 82–102.
- Whorf, B.L. *Language, Thought, and Reality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1956.
- Wittgenstein, L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. London: Routledge & Kegan Paul, 1974.